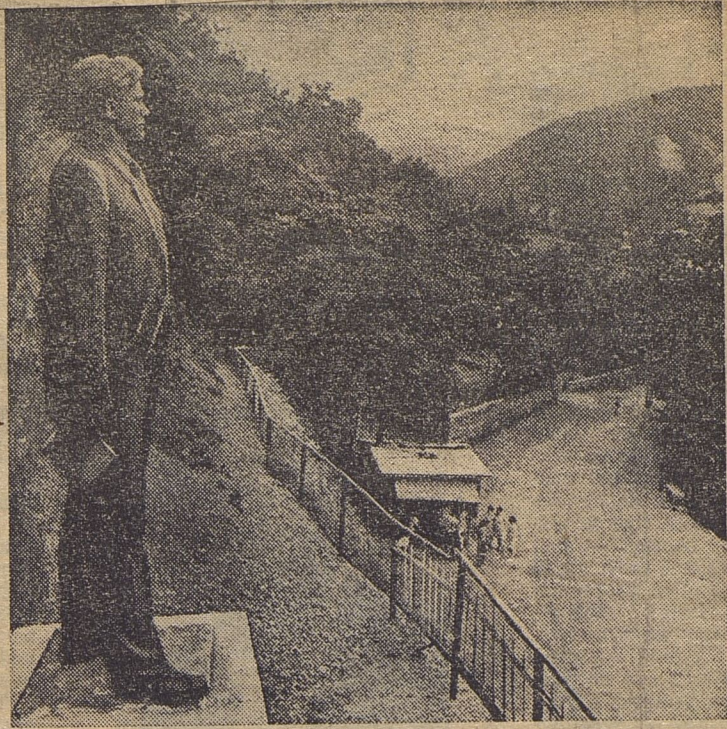

К 90-летию со дня рождения Владимира Владимировича Маяковского

В июле этого года исполняется 90 лет со дня рождения выдающегося советского поэта Владимира Маяковского. Каждый юбилей поэта революции — это новое обращение к его творческому наследию, к осмыслению жизненного пути гениального певца нового общества. «Литературная Россия» открывает серию публикаций, посвященную этой памятной дате, репортажем своего специального корреспондента, который рассказывает о том, как готовятся к празднованию юбилея В. Маяковского на родине поэта, в бывшем селении Багдади, а теперь городе — Маяковски.

КОЛЫБЕЛЬ ПОЭТА

ТАКИХ мартовских снегопадов в этих краях не было давным-давно. Сугробы на крышах поездов, идущих с опозданием до Кутаиси, узкая колея, пробитая на засыпанном шоссе до центра Маяковского района, шапки снега на сплетениях ветвей вечнозеленых деревьев. Только пирамидальные тополя победно тянули вверх пики своих голых ветвей и казались выше тяжелых туч и даже растаявших за снегопадом вершин.

Первый секретарь Маяковского райкома партии Гайоз Платонович Нозадзе только что вернулся с дальних горных ферм. Сколько неотложных забот о дорогах, кормах, электричестве добавило ненастья! Здесь, на родине Владимира Маяковского, животноводство и виноградарство по-прежнему остаются основой благополучия людей, работающих в горах Имеретии. Но и городские дела очень волнуют сегодня секретаря. Именно — городской! Глухо когда-то селение Багдади — поселок Маяковский в прошлом году стал городом.

— Единственным в стране, носящим имя нашего поэта, — подчеркивает Гайоз Платонович. — Мы и соревнуемся с районным центром Шевченко под Харьковом. Все-таки как бы родственники по поэзии... Сейчас из-за погоды приостановились работы на главном нашем строительном объекте — новом здании музея Маяковского, где разместятся выставочный зал, служебные помещения, фондохранилище. К июлю, к юбилею и приезду гостей успеем во что бы то ни стало! Благоустроили дорогу от границы района — Варчихе, поставим стелу на въезде в виде большой раскрытой книги с изображением Маяковского, перекинем новый арочный мост через Ханисцкали, чтобы гости-поэты читали стихи у памятника Маяковскому, над нашей рекой, а слушатели стояли на мосту...

Главный архитектор города Амиран Кочиашвили развешивает на стене кабинета рисунки будущих новостроек. Спортивный комплекс. Парк культуры и отдыха. Знаменитый загородный курорт Баирме, который будет расширяться. Более шестидесяти объектов сейчас находится в процессе строительства. В том числе и новая поликлиника.

По воспоминаниям односельчан, когда у лесничего третьего разряда Владимира Константиновича Маяковского родился сын (кстати, в день рождения самого отца), пришли с поздравлениями объездчики и соседи. Константин Кучухидзе, владелец дома, где квартировала семья, сказал счастливому отцу: «Я желаю вашему сыну, чтобы он стал провизором». Это горя-

чее пожелание нисколько не покажется странным, если вспомнить, что первенца Маяковских — Александра — унесла эпидемия, а через несколько лет заболел дифтеритом другой сын — Костя. Врач, прибывший из Кутаиси долгой по тем временам дорогой, уже ничем не мог помочь. Словно какой-то рок довлел над мужской частью этой семьи. Ведь и отец, этот сильный, добрый, остроумный человек, передавший сыну по наследству свой громовой голос, умер нелепо на пороге пятидесяти лет от заражения крови, уколов палец булавкой. Он шивал бумаги, человек, проработавший семнадцать лет в лучших горных лесах, вдыхавший чистый воздух долины Ханисцкали, на границе Колхидской низменности и Аджаро-Имеретийского хребта. Восемь из них он снимал часть дома у потомственных крестьян Кучухидзе.

Сейчас в самом старом — почти полторазековом — доме города Маяковский расположен музей. На пороге, вернее, у лестницы, ведущей на традиционную открытую галерею, встречает гостей внук тогдашнего домохозяина — Николай Георгиевич Кучухидзе, который работает здесь три десятилетия: сначала научным сотрудником, потом директором.

Скрипят каштановые половицы в комнате, где стоит колыбель Володи, в окне проступают очертания гор, приковывает внимание в кабинете отца огромная настенная коллекция экзотических для нас древесных пород — бруски платана, явора, бука, каменного дерева. И вдруг взгляд останавливается на чем-то очень родном. Картина Шишкина, любимого художника В. К. Маяковского. Знаменитая фотография редакции журнала «Современник», где сидят сотрудники, молодые еще писатели — цвет русской литературы. Это семейные святыни, это благотворное влияние отца, которое отозвалось в автобиографической записи поэта: «Над лесами горы. Подрост. Бегал на самую высокую. Снимаются горы к северу. На севере разрыв. Мечталось — это Россия. Тянуло туда невероятнейше». Тянуло в свободную стихию могучего русского языка, в необозримые просторы под стать разрастающейся душе. Эта мощная способность мысленно и поэтически постигать невероят-

ные временные и земные пространства, столь свойственная Маяковскому, безусловно зародилась в Багдади. «Я к вам шагну в коммунистическое далекое... Мой стих дойдет через хребты веков и через головы поэтов и правителей». Первый шаг на этом пути был сделан здесь, у могучего хребта, где взору будущего поэта открывались загадочные дали, панорамы необузданной природы, чистые звездные небеса. Недаром в нескольких десятках километрах отсюда незатуманно смотрят на светила телескопы Абастуманской астрофизической обсерватории. Дорогой на Абастуман, видимой от дома-музея, прошел Максим Горький. Долой известно, что Владимир Константинович встречался в лесной сторожке с вольным странником, певцом свободного человека-борца, столь близким ему по духу. В поэте текла наследственная вольнолюбивая кровь:

Я — дедом казан,
другим — сечевик,
а по рождению
грузин.

Уже в советские годы, отправляясь за рубеж, Маяковский заполнил манифест — пограничную декларацию так: «Профессия — артист. Место рождения — Багдади, Россия». В этом сближении, вполне объяснимом хотя бы тем, что Советскую страну и до сих пор обобщенно называют порой Россией, все-таки усматривается и некий символический смысл. Грузия и Россия всегда одинаково родственно жили в сердце поэта, которое стало как бы духовным перекрестком тех исторических и человеческих путей, которыми шли две страны. Это особенно остро чувствуешь в нынешнем году, когда отмечается 200-летие Георгиевского трактата, по которому русское правительство гарантировало автономии Грузии и ее защиту в случае войны. Памятником первому манифесту дружбы и братства стала открытая чуть позже Военно-Грузинская дорога, по которой проходили Грибоедов, Лермонтов, Пушкин, Лев Толстой, Чехов, Горький. А навстречу им шли грузинские просветители и писатели. Акакий Церетели писал: «Существует молодая Россия, с которой мы хотим шаг за шагом обрести руку об руку для того, чтобы осуществить не только нацио-

нальные, но и многие общечеловеческие идеалы, те идеалы, которые называются братством, единством, равенством».

Первым певцом воцарения этих идеалов в молодой Стране Советов мы по праву называем Маяковского. «Он — ваш и наш», — сказал хозяин одного дома, поднимая тост за братство и поэзию.

Много гостей, туристов приезжают и сюда, на родину поэта. В 1973 году «Литературная Россия» писала, что с предвоенного года, со времени основания Дома-музея Маяковского, его посетило полмиллиона человек. Теперь только за минувшее десятилетие здесь побывало такое же количество посетителей. Вот еще несколько человек из этого миллиона паломников — сквозь снежные бураны, которые обрушились и на Черноморское побережье, пробился экскурсионный автобус из Адлера...

Природа беззащитна перед варварством, алчным подходом к ней как к неисчерпаемой первозданной кладовой. Даже океаны могут обмелеть. Вот и в горах некоторые редкие лесные породы, то же сверхстойкое каменное дерево, занесены в «Красную книгу». Отец Маяковского берег их как зеницу ока. Кстати, на приемном экзамене в Кутаисской гимназии священник спросил Володю, что такое «око». Он ответил: «Три фунта». Так это привычно звучало по-грузински.

Грузинским языком Маяковский владел в совершенстве до конца своих дней. Об этом с особым чувством вспоминают все грузины, встречавшиеся с ним. Особенно поэты. Некоторые из тех, кто читал ему свои первые строки в 1926 году, когда он приезжал в Тбилиси, живут и здравствуют до наших дней. Один из них — Карло Каладзе, сын профессионального революционера из Кутаиси, змляк великого советского поэта, — написал десять лет назад стихотворение «Слово на закладке монумента Владимиру Владимировичу Маяковскому в Тбилиси»:

...Ты не забыл, что родом ты
из детства...
Нам так недостает тебя
порой
С твоей строкою,
голосом,
плакатом!
Взойдя на пьедестал,
ты вступишь в строй,
Как признанный главари
и агитатор.

(Перевод В. ЛУГОВОГО)

— Какой неустаревающий агитатор! — восклицали все партийные работники, с кем довелось встречаться в Маяковски. — Ведь многие его сатирические строки, призывы на плакатах звучат с неизменной поэтической силой. Особенно в наши дни, когда развернулась борьба за дисциплину, нелицеприятную критику. Хоть на семинарах учи стихотворение «Протекция» или тиражируй плакат со стихами Маяковского: «В общей работе к дисциплине привычки, симулянта разоблачи и выкинь!».

В городе Маяковски существует и процветает фольклорный самодеятельный ансамбль «Саирме». Мне посчастливилось побывать в семье одного из его солистов, инженера-механика автопредприятия — Зале Пурцладзе, послушать многоголосное слаженное пение. Горячее чувство радости и братства поднималось из глубин души, перекликалось со строчками поэта:

Не хочу похваляться
мыслью новенькой,
но по-моему —
утверждаю без авторской
спеси —
коммуна —
это место,
где исчезнут чиновники
и где будет
много стихов и песен.

Строки стихов Маяковского и проникновенные, неожиданно понятые подосознанием иноязычные слова песни поднимались все выше, в очистившиеся от ушедших на север туч бездонные и звездные багдадские небеса, те самые, перед которыми поэт чувствовал себя в неоплатном долгу. Все побывавшие здесь, все любящие поэзию Маяковского не могут не разделить это искреннее чувство.

Александр БОБРОВ,
специальный
корреспондент
«Литературной России»

Фото В. ШАГОВА
ТБИЛИСИ — КУТАИСИ —
МАЯКОВСКИ — МОСКВА

Мы ходим по вытравляющему из мягкого, чистейшего снега уютному городу Маяковски вместе с молодым секретарем райкома Карло Дограшвили. Он отвечает за главную отрасль района — сельское хозяйство, но уверенно рисует городское, рукотворное будущее родных мест.

Особо высоких домов не планируем строить. Во-первых, наш город — это еще и центр колхоза имени В. И. Ленина, где более тридцати лет председательствует Андрей Самсонович Кикнаберидзе, ветеран войны, кавалер двух орденов Ленина. Значит, здесь живут потомственные крестьяне, которых мы не хотим срыть с земли. Дела у нас идут неплохо. Все-таки район третье место по количеству собранного винограда в Западной Грузии занимает. А по качеству и повыше. Из нашего винограда делается вино «Цоликаური». Во-вторых, у нас очень красивая природа. Не надо ее подавлять. Она тоже памятник Маяковскому...

Казалось бы, есть тут некоторое противоречие, если вспомнить, что речь идет о родине ярого новатора, урбаниста до мозга костей, певца прогресса. Эта определяющая черта его характера зародилась тоже здесь, среди лесной глуши и наперекор ей: «Лет семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом... В расступившемся тумане под ногами — ярче неба. Это электричество. Клепальный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересаться природой. Неусовершенствованная вещь». Так вот во время этой поездки пришло вдруг твердое убеждение, что урбанист Маяковский с его обостренным чутьем нового порога и крена, тревогой за будущее, прожил он дольше, первым во ударил, наверное, в набат во спасение природы, теснимой порой неразумными шагами воспетой им цивилизации. Собственно, наек на это содержится уже в его стихах зарубежного цикла. Например, в стихотворении «Христофор Колумб»:

Года прошли.
В старика шипуна
смелчал Атлантический,
гордый смолodu,
С бортов «Мажестикнов»
любая шпана
плюет
в твою
седоусую морду.